

ВОРОПАЕВА АЛЕКСАНДРА ВАЛЕРЬЕВНА

ДОКУМЕНТЫ САХАЛИНСКОЙ КАТОРГИ

В статье представлены результаты изучения документов сахалинской каторги, хранящихся в коллекции автографов Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).

Ключевые слова: ссыльнокаторжные, сахалинская каторга, Николай Иванович Гродеков, остров Сахалин, рукописные документы.

Keywords: the exiled convicts, Sakhalin katonga, Nikolai Ivanovich Grodekov, Sakhalin, manuscript (handwritten documents).

Статья подготовлена в рамках фундаментального научного исследования Дальневосточной государственной научной библиотеки «Книга как социокультурный феномен в контексте исторического развития Дальнего Востока».

Императором Александром II 18 апреля 1869 года¹ было утверждено Положение Комитета об устройстве каторжных работ, согласно которому остров Сахалин официально определялся как место каторги и ссылки. Генерал-губернатору Восточной Сибири было поручено немедленно приступить к высылке на Сахалин до 800 ссыльнокаторжных для употребления их в работах, в том числе на каменноугольных копях. На расходы по перемещению, содержанию каторжных и организацию временного над ними управления было отпущено из казны 120 тысяч рублей [8, с. 330].

Основанием для сосредоточения каторги на острове послужили потребность в тяжёлых работах по добыче угля, проведению дорог, постройке казённых зданий, подготовке мест для организации поселений, а также изолированное положение острова. Высылка преступников на Сахалин усилилась в начале 1880-х годов, когда была установлена перевозка их на судах Добровольного флота [3, с. 127]. К концу девяностых годов XIX века ежегодно на остров ссылались более 2 000 каторжных. Так, с 1891 по 1896 год на Сахалин прибыло 14 370 человек [12, с. 87].

В коллекции «Автографы» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск) хранятся восемь рукописных документов под общим названием «Сахалинская каторга». Они представляют собой показания, справки и статейные списки на шестерых ссыльнокаторжных Сахалина, прибывших на остров в 1871–1893 годах. Документы пронумерованы простым карандашом, начиная с номера 173 по 180²:

№ 173: «Статейный список на ссыльнокаторжного Матвея Васильева Соколова (копия). Составлен в Забайкальском областном правлении 19 ноября 1892 года»;

№ 174: «Путешествия и происхождения ссыльнокаторжного острова Сахалин ...» М. Соколова (копия);

№ 175: «Родоприсхождение 1-е» ссыльнокаторжного Виноградова (копия);

№ 176: «Андреев Степан»;

№ 177: «Воронович Карл»;

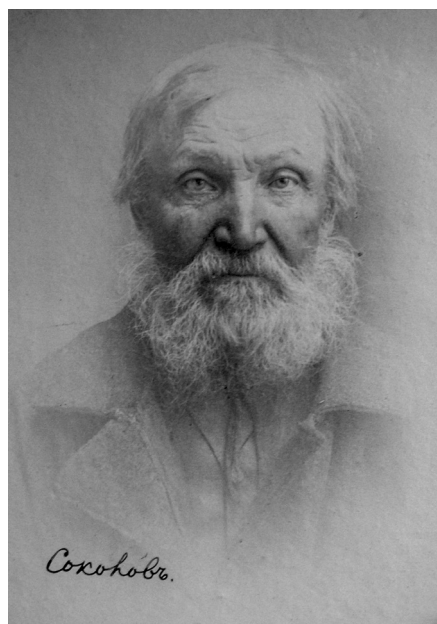
№ 178: «Петр Филькин / он же Чикушкин Кирилл»;

№ 179: «Справка о поселенце-богадельщике Иване Павлове Васильеве»;

№ 180: «Статейный список: О бродяге Иване Павлове Васильеве» (копия).

Матвей Васильевич Соколов

Первые два документа составлены на ссыльнокаторжного Матвея Васильевича Соколова. Документ под

Матвей Васильевич Соколов.

номером 173 представляет собой статейный список³, а под номером 174 — показания под необычным названием «Путешествия и происхождения ссыльнокаторжного острова Сахалина Александровской тюрьмы и я же бывший крестьянин Орловской губернии Елецкого уезда Соколов Матвей отроду 71го года».

Известный русский журналист конца XIX – начала XX века Влас Дорошевич называл Матвея Васильевича Соколова «дедушкой русской каторги». Он познакомился и подружился с Соколовым во время своей поездки на Сахалин в 1897 году и считал, что старше Соколова на каторге никого не было. По его подсчётам, этот человек отбыл на каторге в целом 50 лет, в том числе пять лет на Сахалине. Три раза он был приговорён к бессрочной каторге [4, с. 87–88].

М. В. Соколов родился в 1822 году в городе Ельце. Он был крепостным, из богатой торговой семьи, жившей на оброке. В 1846 году был осуждён за убийство своей девушки. Девушку, которую звали Афимья, Матвей Соколов очень любил, они собирались венчаться, но, так как они встречались до свадьбы, его родители были категорически против этого брака. Видя, что свадьбы не будет, Афимья стала гнать от себя Матвея, а он с горя запил. Во время масленичных гуляний он увидел, как девушка катается с горы с другим парнем. В хмельном состоянии Соколов решил, что убьёт его и ему ничего за это не будет. Взяв дома ружьё, он вернулся и выстрелил в соперника, но попал в Афимью.

Семья Соколова была богатая, гордая, и вдруг сын такой «срам на всех нагнал». Острожника знать никто не хотел — ни родители, ни братья, ни другие родственники. Все от него отвернулись [4, с. 90].

Из Ельца Соколова отправили в Москву. По словам Дорошевича, он хорошо помнил тот день, как его «на Конную везли». Ехал он на телеге, спиной к лошади. День был базарный, народу было очень много. За телегой бежали

³ Статейный список — документ, составлявшийся на каждого арестанта, ссылаемого в Сибирь. В нём указывались фамилия, имя, отчество ссыльного, звание, вероисповедание, приметы, к какому наказанию приговорён и проч.

¹ Здесь и далее по тексту даты приведены по старому стилю.

² Кем и когда проставлена нумерация — неизвестно.

мальчишки, показывали на него пальцами, купцы выходили из лавок, смотрели, некоторые кидали ему деньги в телегу [4, с. 91]. Владимир Гиляровский в своей книге «Москва и москвичи» описал это место и процесс публичных наказаний преступников: «И двигалась по Тверской из колымажного двора страшная черная, запряженная обязательно вороной без отметин лошадь телега с черным столбом. Под ним на возвышении стояла скамья, а на ней сидел, спиной к лошади, прикованный железной цепью к столбу, в черном халате и такой же бескозырке, осужденный преступник. На груди у него висела черная доска с крупной меловой надписью его преступления: разбойник, убийца, поджигатель и так далее. Везли его из тюрьмы главными улицами через Красную площадь за Москву-реку, на Конную, где еще в шестидесятых годах наказывали преступников на эшафоте плетью, а если он дворянин, то палач в красной рубахе ломал шпагу над головой, лишая его этим чинов, орденов и звания дворянского» [2, с. 441].

Дорошевич утверждает, что Соколов получил за это преступление десять лет каторжных работ и десять ударов кнутом [4, с. 91], а в «Путешествиях и происхождениях», записанных со слов самого Соколова, — 20 лет каторжных работ и 30 ударов плетью.

После наказания кнутом или плетью Соколов оказался в госпитале, а затем был отправлен по этапу на каторгу в Троицкий солеваренный завод Красноярской губернии. В то время каторжники составляли большую часть рабочих этого завода. Прожив там до 1850 года и изучив местность, Соколов совершил первый побег, но был задержан в городе Енисейске и отправлен обратно. За этот побег он получил наказание только в виде 60 ударов плетью и оставлен в том же заводе. Затем Соколов сумел сбежать во второй раз, но был задержан в городе Томске, назвался другим именем и был осуждён на чужое имя и фамилию. Обман был раскрыт. За сокрытие своего имени и побег он был приговорён к каторжным работам бессрочно и 80 ударам плетью. Отбывать наказание его отправили в Александровский винокуренный завод Иркутской губернии, где также использовался труд каторжных.

Пожив какое-то время при заводе, он бежал в третий раз и был задержан в городе Каинске Томской губернии и возвращён в Троицкий солеваренный завод. Начальству уже было известно, что в Томске Соколов был осуждён на чужое имя и фамилию. За это он получил 1 000 палок сквозь строй и был приговорён бессрочно на каторжные работы с переводом в рудниковый завод.

С рудников он совершил четвёртый побег, но был пойман в городе Шадринске Пермской губернии, получил 95 ударов плетью, был отправлен обратно в рудники. Оттуда он совершил пятый побег, был задержан в городе Екатерин-

бурге Пермской губернии, получил 400 палок сквозь строй⁴ и был опять приговорён к бессрочной работе в рудниках.

После шестого побега Соколова задержали в Верхнеудинском округе Иркутской губернии, наказали 90 ударами плетью и послали обратно на работу в рудники, но он сбежал и в седьмой раз, попался в том же округе, но по медицинскому свидетельству был избавлен от наказания, а только приговорён «к высылке на 13 лет в тюрьме при том же и закован цепями».

В «Путешествиях и происхождениях» Соколов не указал, в какие годы он совершал побеги (кроме первого в 1850 году), но вспомнил, что «по коронации Государя Императора срок уменьшили на 20 лет и освободили Вольную команду и до сего времени совсем и заключением прошло 15 лет». Освободить в «вольную команду» означало перевестись во внетюремный разряд, жить за пределами тюрьмы. С момента заключения Соколова и до конца его жизни в России сменилось четыре императора и прошло три коронации — Александра II в 1856-м, Александра III в 1883-м и Николая II в 1896 году. Вероятно, речь идёт о коронации Александра III, так как при Николае II он уже был на Сахалине, а к моменту коронации Александра II прошло только 10 лет его заключения.

За каждый из побегов Соколову накладывались клейма, из-за этого было невозможно долго скрываться от правосудия. Он вспоминал, что во время побегов ничего интересного не видел, только редко занимался мелкой кражей у крестьян, и то «только по недоховаткам... наготы или обуви», а для пропитания просил милостыню.

Соколов сумел сбежать и в восьмой раз. Неизвестно, сколько он тогда «путешествовал», но пойман он был в 1892 году. В тот год ему исполнилось 70 лет. В Забайкальском областном правлении на него был составлен статейный список, в котором было указано, что за очередной побег с места каторги он приговаривается к наказанию плетью в количестве восьмидесяти ударов с приковыванием к тележке на один год и содержанием в отряде испытуемых пятнадцать лет. Все каторжные по прибытии на каторгу зачислялись в разряд «испытуемых». При удовлетворительном поведении через несколько лет они, как правило, переводились в разряд «исправляющихся», с более лёгким режимом отбывания наказания. Приговор был утверждён, но с условием, «чтобы Матвея Соколова ввиду имеющегося в деле удостоверения телесному наказанию не подвергать».

В декабре 1892 года Соколов был отправлен на Нерчинскую каторгу в Сретенск. В январе 1893 года его перевели на Горный Зерентуй, в марте отправили в Усть-Кару для

⁴ Удары палками (шпицрутенами) — наказание, когда провинившегося гнали ударами палок сквозь двойной строй солдат или матросов. Назначалось оно за разные преступления, в том числе за побеги. Назначение 3 000 шпицрутенов считалось равным смертной казни.

высылки на остров Сахалин. В мае того же года он был прикован к тележке и отправлен на остров.

Таким образом, за 47 лет заключения, с 1846 по 1893 год, до отправки на Сахалин, Матвей Соколов совершил восемь побегов, получил 355 плетьюми и 1 400 палок, пройдя два раза сквозь строй.

На вопрос Дорошевича, почему он совершал побеги, Соколов отвечал: «На траву я всё ходил! <...> зиму ничего, маячу в тюрьме. А придёт весна, на траву и потянет. И бегу. Так кое-где лето шляюсь, в работниках служу. А осень придёт, — опять по тюрьме скучно станет. К товарищам иду» [4, с. 92]. Этими отлучками «на траву» Соколов и заработал три бессрочных каторги.

Дорошевич отмечал, что, кроме бесчисленных побегов, за Соколовым никаких других преступлений не было. Человек он был честнейший. На каторге он выучился столярному ремеслу, стал замечательным мастером. Служащие давали ему на покупку материалов деньги, иногда большие суммы, но он никогда не пользовался ни копейкой.

Прибыв в 1893 году на Сахалин, этот человек, трижды приговорённый к бессрочной каторге, с бессрочной «испытуемостью», должен был до конца жизни содержаться в кандалной тюрьме. Но ему разрешали жить в столярной мастерской безо всякого надзора. Он спал на верстаке, «зиму и лето кутаясь в старый полушубок, дрожа своим старческим телом».

Была у Соколова и своя особенность. Дорошевичу он говорил: «Я, ваше высокоблагородие, пьяница природный!» Каторжные, работавшие в столярной мастерской, подшучивали над ним: «Матвей Васильевич потому и работать не могут, что они лак пьют!» Он ухитрялся добывать из лака спирт: «...лак отстоится, снизу-то муть, а сверху чистый спирт. Я его водицей разбавлю и пью» [4, с. 88].

В богадельню Соколов не хотел переходить. Говорил, что он человек мастеровой и хочет работать. Смотрители во всех тюрьмах, где он побывал, за это его ценили. «Но за это же ему и больнее доставалось, когда он бегал. Этаким столяр сбежал, — поневоле злость возьмёт» [4, с. 88].

Дорошевич называл его милым, добрым, славным дедушкой и отмечал, что все каторжане относились к нему с каким-то невольным почтением, звали его тоже «дедушкой» или по имени-отчеству. Писатель вспоминал, что не раз, боясь сойти с ума от ужасов сахалинской каторги, он «приходил к этому старику и отходил душой под его неторопливую старческую речь», милую, кроткую улыбку [4, с. 92].

В статейном списке есть описание Соколова: рост — 2 ар. 5 в. (около 165 см), чистое лицо, серо-голубые глаза, нос, рот и подбородок обыкновенные, среди особых примет — клейма «СК»⁵ на обеих руках.

По словам Дорошевича, почувствовав приближение смерти, Матвей Васильевич пришёл в лазарет Александровского поста и, «окружённый попечениями», пролежав там два дня, он «тихо и безболезненно скончался, словно заснул, от старческой дряхлости» [4, с. 93].

В 1898 году в приказе военного губернатора острова Сахалин № 142 от 15 июля, в графе «Нижепоименованные ссыльные Александровского округа, за смертью исключаются из наличного числа ссыльного населения о. Сахалина» под номером 12 было напечатано: «Соколов Матвей, 76 л., от хронического воспаления легких, умер 8 мая 1898 г.» [10, с. 202].

Дорошевич вспоминал, что однажды Соколову дали бумагу, чернила, перья и попросили составить своё жизнеописание. Соколов с удовольствием согласился, а на следующий день принёс «четвертушку бумаги», на которой было написано: «Жизнеописание сс.-каторжного Матвея Васильева Соколова. Приговорён к трём бессрочным каторгам. Чистой каторги отбыл пятьдесят лет. Получил:

Кнута — десять ударов.

Плетьюми — столько-то тысяч.

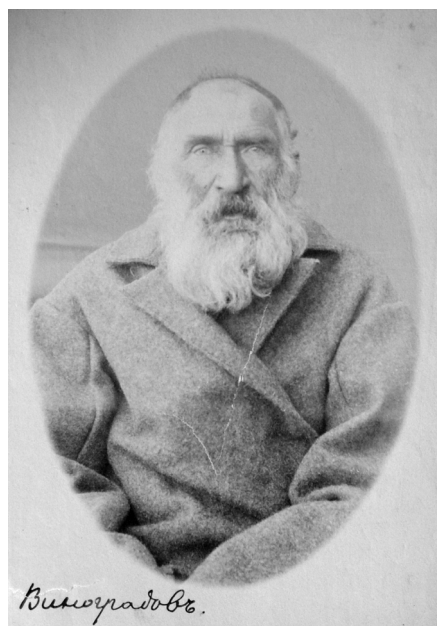
Палок — столько-то тысяч.

Розог — не припомню сколько.

Сс.-каторжный Матвей Соколов» [4, с. 94–95].

«Путешествия и происхождения» были записаны со слов Соколова в 1893 году, в год, когда он попал на Сахалин.

Виноградов

Виноградов.

Под номером 175 значится документ «Родопроисхождение 1-е» ссыльнокаторжного Виноградова. Имя этого человека неизвестно. Родился он 24 июня 1812 года в деревне Благодать Изюмского уезда Харьковской губернии. Родители его были крепостными господ Левшиновых⁶.

В 1812 году, до его рождения, отца забрали на военную службу. До восьми лет воспитанием мальчика занималась

⁵ Клеймо «СК» означало ссыльнокаторжный.

⁶ Помещики Левшиновы — прапорщик Алексей Андреевич и его жена, Пелагея Афанасьевна.

мать. В 1820 году Виноградова взяли в кантонисты в Киевское отделение, где он находился до 18 лет. Кантонистами в то время называли всех сыновей нижних воинских чинов, не достигших совершеннолетия, которые в силу своего происхождения принадлежали к военному ведомству и были обязаны служить. Освобождение солдатских детей от этой повинности было даровано императором Александром II в 1856 году [14, с. 318–319].

В 1831 году его отправили на действительную службу в 6-й корпус 18-й дивизии в пехотный генерал-фельдмаршала герцога Веллингтона полк, откуда он «сделал отлучку». Виноградов дошёл до Могилёвской губернии и был задержан в Гомеле. Он скрыл своё имя, его судили Непомнящим Иваном⁷ и приговорили к наказанию 30-ю ударами розог и к наложению на правую руку клейма «Б»⁸.

В 1833 году он был отправлен в Чернигов в исправительное отделение, а в 1834-м поступил в Черниговский гарнизонный батальон. В тот же год он самовольно отлучился на десять дней, за что по приказу командира батальона был наказан 200-ми розгами, переведён в другую роту, где, будучи в нетрезвом состоянии, совершил убийство одного майора.

В конце 1835 года Виноградов был осуждён за это преступление. Его приговорили к 2 000 шпицрутенов, лишили солдатского звания, а в 1837-м сослали бессрочно в каторжные работы в Усть-Кутский солеваренный завод. Через три года, в 1841-м, Виноградов совершил побег, дошёл до города Ачинска Красноярской губернии, где и был пойман. По неопытности он сказал, откуда сбежал, за что Красноярская Палата осудила его как перворазрядного каторжного⁹, приговорила к 100 ударам плетью, приковыванию к тачке на три года и к пребыванию в разряде испытуемых на двадцать лет.

По окончании суда в 1843 году Виноградова выслали в Иркутск, затем в Усольский солеваренный завод, где приковали к тачке. По окончании срока тачки он прожил там ещё два года, а в 1849 году совершил побег по реке Ангаре до города Енисейска, где его арестовали. За этот побег Виноградов был снова наказан 100 ударами плетью, снова прикован на три года к тачке и переведён в разряд испытуемых уже навсегда.

В 1855 году он опять сбежал, три года проживал в Красноярской губернии, достал там билет иркутского поселенца, а в 1859-м был арестован в городе Мариинске, где назвал себя поселенцем Оскской волости Иркутской губернии. Полиция навела справки, но сведения не подтвердились.

7 Преступники, бежавшие с каторги, попадая в руки полиции и желая скрыть своё прошлое, нередко называли себя «Иванами», а на вопросы о родителях отвечали, что не помнят своего родства. Поэтому их записывали в полицейские протоколы «Иванами Непомнящими».

8 Клеймо «Б» означало беглый.

9 В то время все каторжные были разделены на три разряда. К первому относились «бессрочные» и приговорённые на сроки от 12 до 20 лет, ко второму — на сроки от 8 до 12 лет, к третьему — от 4 до 8 лет.

Виноградов был наказан 25-ю ударами плетью с наложением клейма «СП»¹⁰ на левой руке и лопатке.

В 1860 году Виноградов нанялся на золотые промыслы в Олёкминский округ Якутской области в компанию Соловьёва¹¹, где прожил семь лет.

В 1867 году он перешёл в компанию Басина¹², проработал два года и «попал с золотом 5 фунтами». Олёкминское полицейское управление передало дело в Якутский окружной суд, который вынес решение о наказании Виноградова 60-ю ударами плетью и отправил его на полтора года «на высебку в одиночный карцер в тяжкие ножные и ручные оковы».

После отбытия срока он опять был послан в Оскскую волость на старое место причисления. С 1871 по 1873 год Виноградов работал на золотом прииске Аканак в Киренском округе. Потом за нанесение смертельной раны становому приставу он был отправлен в Якутскую область, где окружной суд приговорил его к ссылке в рудокопный завод на 12 лет с шестью годами в разряде испытуемых и наказанию 80-ю ударами плетью. В 1874 году его выслали на Карийские промыслы, а в 1875-м он был отправлен на Сахалин. В 1880 году в селе Дербинское он «сделал преступление над наложницей», за что ему прибавили шесть с половиной лет и наказали 60-ю ударами плетью.

Виноградов был физически сильным человеком. Доктора говорили, что у него «конская внутренность», и не находили причины помещать его в богадельню. В богадельню на Сахалине зачислялись ссыльнокаторжные, признанные по дряхлости, увечью и болезням неспособными к работам. Они должны были пройти освидетельствование сначала в окружных комиссиях при полицейских управлениях, затем в медицинской части. Членам окружных комиссий вменялось в обязанности относиться к освидетельствованию с особой разборчивостью и строгостью и предоставлять право на зачисление в богадельню лишь в случае крайней необходимости. При положительном решении ссыльнокаторжные, у которых закончился срок тюремного заключения, переводились в богадельню, а остальные призривались в тюрьме, с употреблением на лёгкие работы, за исключением тех, которые не могли двигаться из-за дряхлости, тяжёлых болезней или увечий [11, с. 175].

В 1884 году, когда Виноградову было уже 72 года, в богадельню представили человека моложе его. И так как ему надоело «это тиранство», он «вздумал проститься с белым светом». В это время Виноградов работал в порту камерным старостой. Он взял сапожный нож, вышел за

10 Клеймо «СП» означало ссыльнопоселенец.

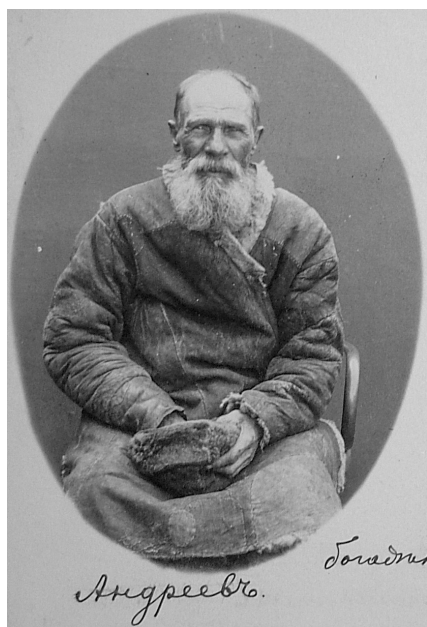
11 Соловьёв Степан Фёдорович (1819–1867) — русский купец и золотопромышленник, меценат.

12 Басин Пётр Павлович — иркутский купец 1-й гильдии, потомственный почётный гражданин Иркутска, владелец золотых приисков. В 1862 г. был директором иркутского губернского комитета попечительства о тюрьмах.

казарму и вскрыл себе вены. Очнулся в лазарете, где его привели в чувство. В 1885 году окружная комиссия обратила внимание на его годы и представила в богадельню. Но в 1889 году он «по глупости принял фальшивый кредит 25-ти рублевого достоинства, сбыл и попал». За это преступление его осудили в 1891 году на 20 лет и 100 ударов плетью. Плетни были отменены. В тот год ему исполнилось 79 лет.

Степан Андреев

Под номером 176 записаны показания ссыльнокаторжно-

Степан Андреев.

го Степана Андреева. Родился он в деревне Шаниной¹³ Макарьевского уезда Нижегородской губернии предположительно в 1822 году. О семье его ничего не известно. До 14 лет он занимался хлебопашеством, помогал по хозяйству. В 14 лет по собственному желанию отправился в Нижний Новгород и поступил работать подносчиком к печникам, учился ремеслу. Через три года

подрядчик нашёл его способным к печному делу и поручил самостоятельно класть печи. У этого подрядчика Андреев проработал до 21 года. Однажды он зашёл в дом одного жителя Нижнего Новгорода. На столе он увидел шкатулку с деньгами. В ней оказалось 1 400 рублей. Забрав шкатулку, он отправился в трактир пить чай, но полиция его быстро отыскала. Так, в 1843 году Андреев оказался в тюрьме. За эту кражу его приговорили к ссылке в Сибирь на поселение. Из Нижнего Новгорода он был отправлен в Иркутскую губернию, Нижнеудинский округ, в Братско-острожную волость.

Прибыв на поселение, Андреев был назначен сторожем при волостном правлении. Проработав не более полугода, он, посредством взлома, совершил кражу казённых денег на сумму 4 800 рублей, принадлежащих волостному правлению. Уйти после совершения кражи он не успел, и на следующий день был арестован. За это преступление Степан получил 12 лет каторжных работ и 50 ударов плетью.

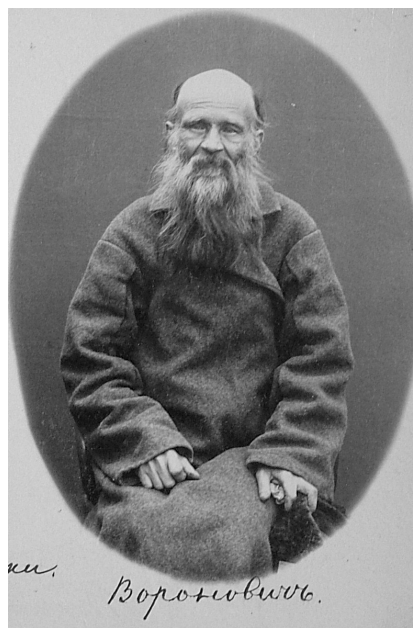
В 1844 году Андреев был отправлен в Карийские рудники. Пробыв там около полугода, он бежал в Томскую

губернию. Как бродяга он 17 лет прожил в селении Красный Яр. Если бродяги «жили смирно и покойно», местные их не выдавали. Андреев занимался хлебопашеством, печным делом и другими работами. Вместе с ним жили и другие бродяги, которые «по лености работать не хотели и ушли из селения», но на дороге были арестованы. Назло крестьянам села Красный Яр они указали полицейским, что крестьяне «передерживают у себя бродяг», и указали на Андреева. При повальном обыске Андреев был арестован. Это был 1862 год. Андреев был отправлен в Томск, а оттуда в Нижнеудинск Иркутской губернии, на место своей первоначальной ссылки. За бродяжничество он был приговорён к десяти годам каторжных работ, 25 ударам розог и отправлен в Карийские рудники.

По окончании срока Андреев был уволен от работ, перечислен на поселение и остался работать в рудниках по найму. Прожив поселенцем до весны 1882 года, он бежал, а осенью того же года был задержан в Чите Забайкальской области. Из-за наличия клейм Андреев не стал скрывать своего имени. В 1883 году он был приговорён к 15 годам каторжных работ, 25 ударам розог и был отправлен в Усть-Кару. В 1885 году из Усть-Кары он был переведён в Хабаровку, а в 1887-м — на остров Сахалин.

В 1888 году по старости лет (ему исполнилось 66 лет) Андреев был зачислен в богадельню, а в марте 1895-го перечислен в разряд поселенцев. Показания свои Андреев дал, когда ему было 76 лет.

Карл Воронович

Карл Воронович.

Под номером 177 записаны показания Карла Вороновича. Этот человек был жителем города Вильна¹⁴. Его отец работал печником, и Карл с ранних лет помогал ему и сам учился ремеслу. Но в 19 лет Воронович бросил своего родителя, связался с шайкой бандитов и, как он сам говорил, «пошёл шататься», занимаясь кражей и разгульной жизнью. За кражу 600 рублей

¹³ Современное название — Шамино.

¹⁴ Современное название — Вильнюс.

и драгоценностей у предводителя дворянства Воронович был посажен в тюрьму на 11 месяцев. Вот как он описывает обстоятельства кражи: «...я вошел в переднюю, никого не было только спал лакей, я вошел дальше, лакей не проснулся, я вошел в комнату и на столе стояло 2 шкатулки одна большая, а другая поменьше, большая оказалась тяжелее, которую я и взял, меньшая же полегче я и оставил, в шкатулке оказались часы, кольца и деньги, на суде же оказалось, что в легкой шкатулке сберегалось 6 000 рублей, понятно в свое время я пожалел, что не взял ее».

После отбытия наказания Воронович нанялся на работы по проведению канала около Царского Зверинца в Гатчине, где проработал лето. По окончании работ он вернулся в Вильно и принялся за старый образ жизни — игру в карты, кражи, разгул. В начале 1850 года Воронович вновь был арестован. В показаниях он вспоминал: «...в Вильно у нас была баня Кошеров в которой все подобные мне собирались для игр, пьянства и разврата; собралось в одно время нас 4 человека, денег ни у кого не оказалось, а выпить и поиграть страсть всегдашняя, посоветовавшись с собою где бы разжиться, порешили отправиться к дому полицмейстера и совершить кражу; прийдя к месту около 10 или 11 часов ночи, мы залезли в конюшню, украли хомуты и прочую сбрую и все это успели продать торговцу краденого за 5 руб., когда же пришли обратно в баню, то уже игроков не было, а потому решили между собою, отправиться купить за город...».

За городом, в корчме, они пробыли до рассвета, затем все разошлись по домам. В эту ночь в противоположной стороне от места, где они находились, было совершено убийство еврейской семьи. Утром начались полицейские розыски и расспросы. Выяснилось, что в ту ночь Воронович с компанией был в корчме за заставой. На основании этого они были арестованы и допрошены. Воронович на допросе не признавал себя виновным, за что был посажен в холодный подвал, где пробыл трое суток без хлеба и воды. Затем он вновь был вызван на допрос, на котором применялись пытки. Когда его мучения перешли все пределы, он принял на себя преступление.

Из убитой семьи в живых остался десятилетний мальчик, который утверждал, что преступление было совершено солдатами местного батальона, но всё это во внимание не было принято. В 1854 году, после четырёхлетнего тюремного ожидания, Воронович был приговорён к лицевому клеймению, 80 ударам плетьюми и к ссылке в каторжные работы на 15 лет.

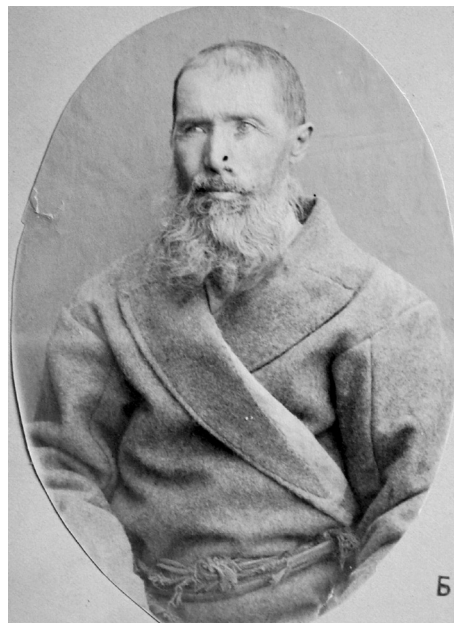
Он был отправлен в Николаевский завод Иркутской губернии, где проработал пять лет, с 1856 до 1861 год. В 1861 он бежал и около полугода бродяжничал, проживал в разных селениях, где выполнял всевозможные работы, дольше месяца нигде не задерживался. В 1863 году он был арестован в Барнаульском уезде Томской губернии как

бродяга, но из-за лицевых клейм ему пришлось признаться, кто он и откуда. Его отправили в Томск, где приговорили к 50 ударам плетьюми и продолжению срока каторжных работ на десять лет. Наказание плетьюми было отменено.

В 1865 году из Томска Воронович был отправлен в Усть-Кару, оттуда в 1870-м — в Николаевск, а в 1872 году — на Сахалин. Воронович точно не помнил, в 1874-м или 1875 году он был уволен на поселение в Николаевск¹⁵. В тёплое время года он работал на золотых приисках купца Х. П. Тетюкова¹⁶, а к зиме вернулся в Николаевск, где работал подённо. Зимой работы в Николаевске было мало, и Воронович с товарищем отправился в дом одного чиновника просить подыскать им какую-нибудь работу. Хозяина в доме не оказалось, была только одна женщина. Воронович вспоминал: «...товарищ мой сел около плиты, на плите лежал нож, товарищ хотел нож украсть, но женщина заметив это выбежала на двор наделала шуму и заявила, что ее хотели убить; собрался народ, нас арестовали и суд признал нас виновными; меня приговорили в работы на 10 лет и к телесному наказанию 60 плетьюми».

Так, в 1877 году Воронович вернулся на Сахалин. Через 10 лет, в 1887 году, он был переведён на поселение и «по расстроенному здоровью и старости лет» был зачислен в богадельню. На момент записи показаний ему было 70 лет¹⁷.

Пётр Филькин

Пётр Филькин.

Под номером 178 числятся показания человека с двойным именем «Петр Филькин / он же Чичушкин Кирилл». Настоящее его имя — Пётр Филькин. Он родился в 1821 году в селении Турдек Качкуровской волости Саранского уезда Пензенской губернии в крестьянской семье. Вместе с родителями занимался

¹⁵ В то время поселенцев на Сахалине не оставляли, а отправляли в Николаевск.

¹⁶ Тетюков Харлампий Петрович (?–1901) — благовещенский купец 1-й гильдии

¹⁷ Год, когда были записаны показания, не указан.

хлебопашеством. В 19 лет женился, имел шестерых детей. По словам Филькина, он проживал в селении «безотлучно и беспорочно», в 1855 году был выбран сотским¹⁸, состоял в этой должности два года, а в 1857-м в состоянии алкогольного опьянения совершил преступление, о котором и не помнил: «В 1857 году в престольный праздник Кузьмы и Демьяна в кабаке в пьяном виде завязалась ссора во время коей набил палкой своего односельца, который выбежав из кабака побежал и в переулке упал в колодец; по сложившимся обстоятельствам следствие и затем суд признали, что побитый односелец брошен в колодец мною же, за что на 36 году отроду приговорен был к каторжным работам на 20 лет, с наказанием телесно 90 ударов плетью и с наложением лицевых клейм».

После приведения приговора в исполнение Филькин был отправлен в Сибирь в Николаевский завод Нижнеудинского округа Иркутской губернии. Через два месяца он совершил побег, около года бродяжничал, просил милостыню, иногда работал. В Томске он был арестован, наказан за побег 50-ю ударами плетью с продолжением срока на десять лет. Из Томска его отправили в Карийские рудники, откуда через полгода он опять сбежал. В течение пяти лет Филькин проживал как бродяга в разных местах. Долгое время работал «в районе заведывания полковника Шастова», около Байкальского озера. Рассчитавшись с этих работ, он ушёл в Оренбургскую губернию и там был арестован. Вследствие лицевых клейм он был уличён. За бродяжничество его приговорили к бессрочным каторжным работам, 90 ударам плетью и отправили в Кару. В 1872–1875 годах он находился на работах в Хабаровке, затем был отправлен на Сахалин. В 1878 году Филькин бежал с острова, был задержан около Софийска, а при аресте выдал себя за Чикушкина Кирилла. Справки подтвердились, но опять из-за лицевых клейм он был уличён.

За побег с Сахалина его приговорили к бессрочным каторжным работам, с пребыванием в разряде испытуемых 12 лет, 90 ударам плетью. После решения суда его отправили из Николаевска обратно на остров, где он работал пильщиком. В 1894 году, в 73 года, он был зачислен в богадельню «по слабости лет». Показания он дал в том же 1894 году.

Иван Павлович Васильев

Документы под номерами 179 (справка) и 180 (статейный список) были составлены на ссыльнокаторжного Ивана Павловича Васильева. Родился он предположительно в 1848 году в деревне Перфильевской Самбатуской волости

Олонечкой губернии. Васильев совершил там какое-то преступление и после отбытия тюремного заключения крестьянское общество его не приняло. В 1866 году он был сослан в Енисейскую область и причислен в Назарьевскую волость Ачинского округа, где прожил до 1871 года. В тот год он отлучился без письменного вида в другую волость, находящуюся в 25 вёрстах, где был арестован и доставлен в Ачинск. Несмотря на то что он назвал свою фамилию, звание и место жительства, его в том же году выслали на Сахалин в общей арестантской партии с ссыльнокаторжными. Там его приняли за каторжного и отправляли на работы наравне со всеми. Васильев неоднократно подавал письменные жалобы, но они оставались без ответа. Вследствие этого он в 1875 году бежал с острова. Он добрался до Николаевска, где добровольно сдался, но это не было принято во внимание. В 1876 году Васильева осудили за побег в каторжные работы на пять лет, наказали 25-ю ударами плетью и вернули на Сахалин, где он проработал до 1878 года. В тот год после освидетельствования его уволили от работ и поместили в богадельню в селении Ново-Михайловском. На тот момент ему исполнилось только тридцать лет, а в богадельню, как было сказано выше, помещали лишь неспособных к труду. Возможно, он попал туда из-за расстроенного здоровья или какой-то травмы. В 1881 году он был перечислен в поселенцы, с оставлением в богадельне.

***

В. М. Дорошевич, побывав в богадельне села Дербинского, населённой нищими, шулерами и ростовщиками, написал: «Какие странные и страшные фигуры есть среди этих людей, вся жизнь которых прошла среди розг, плетей, тюрем, каторги, побегов и погонь» [4, с. 187]. Действительно, все шестеро ссыльнокаторжных с молодости скитались по тюрьмам, каторгам, совершали побег, попадали в руки полиции, получали новые сроки и наказания плетью, розгами и шпицрутенами, приковывались к тачке. Больше всего телесных наказаний получили Виноградов (2 000 палок, 230 розог, 425 ударов плетью) и Соколов (1 400 палок, 355 ударов плетью). Автор записок «На далёкий север» И. Акифьев, побывавший на Сахалине в 1910 году, описывал эти орудия наказания так: «Розга — это четыре деревянных прута в полпальца толщины каждый, скрученные вместе. Так как они по большей части сучковаты, то немудрено, что ими с первого же удара просекают кожу. Плеть тройная, ременная, длиною аршина в два и довольно тяжелая. Каждый конец в мизинец толщины. Про этот страшный инструмент палач выразился так. — “Плетью с пяти ударов можно забить до смерти”» [1, с. 164].

Нередко преступников приковывали к тачке, которая весила около 80 килограммов. Длинная цепь прикреплялась

¹⁸ В XIX – начале XX века сотские — один из низших чинов полиции на селе.

Прикованные
к тачке.

к поясу, и, куда бы заключённый ни шёл, он тащил тачку за собой, а ложась спать, клал её под нары. Двое ссыльнокаторжных в разное время своего заключения были прикованы к тачке: Виноградов в общей сложности был «тачечным» шесть лет (два раза по три года), Соколов — один год.

Во всеподданнейшем отчёте за 1898–1900 годы приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков обратил особое внимание императора Николая II на то, что в числе желательных мер по реорганизации каторги необходимо отменить наказания плетью и приковывания к тележке, которые составляют остаток той жестокой системы наказаний, «которая явилась у нас, как наследие владычества татар, и характеризовалась обилием членовредительных и причиняющих физическое страдание наказаний». Он писал, что это не соответствует гуманным началам. Плетни — жестокое и неравномерное наказание, зависящее от ловкости и силы палача, а приковывание к тележке — не менее жестокое и крайне унижительное истязание для человеческой личности [3, с. 133].

2 июня 1903 года вышел указ «Об отмене тягчайших видов телесных наказаний для ссыльных». Установленные для ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенцев бритвё головы, наказание лозами, плетью и приковывание к тачке были отменены [9, с. 581].

Все шестеро ссыльнокаторжных совершали побег с каторги хотя бы один раз. Филькин и Васильев смогли сбежать с Сахалина. Упомянутый выше И. Акифьев считал, что ничего удивительного нет, что люди бегут с острова:

«Сколько тут народу, который должен сидеть здесь до самой смерти, и какова должна быть жизнь их, если у них нет ни малейшей надежды на сколько-нибудь лучшее будущее. А настоящее ужасно, отвратительно!» [1, с. 163].

По данным Главного тюремного управления, с 1898 по 1901 год с острова сбежало около 1 100 человек, причём только половина была поймана или вернулась назад добровольно [7, с. 402].

А. П. Чехов в своей книге «Остров Сахалин» писал, что «причиной, побуждающею преступника искать спасения в бегах, а не в труде и не в покаянии, служит главным образом не засыпающее в нем сознание жизни. Если он не философ, которому везде и при всех обстоятельствах живется одинаково хорошо, то не хотеть бежать он не может и не должен» [13, с. 281]. Среди общих причин побегов он выделял страстную любовь к родине, стремление к свободе, пожизненность наказания и проч.

Путевые записки А. П. Чехова, написанные после посещения им Сахалина и напечатанные в журнале «Русская мысль» в 1893–1894 годах¹⁹, вызвали большой общественный резонанс, и на остров обрушилась лавина проверок и ревизий. В апреле 1894 года с поручением приамурского генерал-губернатора С. М. Духовского «произвести под-

¹⁹ В 1893–1894 гг. в журнале «Русская мысль» были напечатаны первые девятнадцать глав, а в 1895 г. вышло в свет первое издание книги «Остров Сахалин», включающее все двадцать три главы.

робную ревизию острова Сахалина во всех отношениях» прибыл генерал-лейтенант Н. И. Гродеков [5, с. 150]. Во время этой поездки он осмотрел поселения, тюрьмы, встречался как с ссыльными, так и с людьми «свободного состояния». Он хотел узнать всю изнанку сахалинской жизни не по «малоговорящим бумагам канцелярии, а от самой действительности». Помощники генерала работали днём и ночью, разбираясь в массе накопившихся дел [15, с. 218]. По результатам ревизии Н. И. Гродеков составил ряд докладов. В одном из них — «Лечебные заведения. Богадельня» — он упомянул и Матвея Соколова, находящегося на каторге почти столетия и клеймённого 23 раза [6, с. 55].

На одном из вышеописанных документов (№ 175, «Родоисхождение 1-е» ссыльнокаторжного Виноградова) есть надпись, сделанная простым карандашом: «Препроводить при письме с фотографическими снимками к Генералу Гродекову. 21 мая». Очевидно, для Н. И. Гродекова были сделаны копии документов²⁰ на некоторых богадельщиков, с которыми он, возможно, лично встретился во время своей поездки в 1894 году. Эта надпись объясняет и название самого документа «Родоисхождение 1-е» — первое из отобранных Гродековым или для него показаний ссыльнокаторжных.

Помимо рукописных документов «Сахалинская каторга», в ДВГНБ хранятся два альбома с одинаковым названием «Са-

халин 1894», которые, по мнению исследователей, были сделаны специально для Н. И. Гродекова в память о его поездке на остров. И в этих альбомах есть фотографии всех упомянутых в статье ссыльнокаторжных, кроме Васильева. Вероятно, это и есть те самые снимки, которые нужно было «препроводить при письме». Показания у каторжан были взяты, когда они уже были в преклонном возрасте — некоторые «родоисхождения» заканчиваются фразой: «Ныне мне 70 / 73 / 76 лет от роду». Фотографии, скорее всего, сделаны в то же время, на снимках — уже глубокие старики. Под фотографиями Андреева и Вороновича есть надпись: «богадельщики».

Для какой цели были отобраны эти документы — отчёта о командировке, для коллекции «Автографы» или чего-то другого, — сегодня трудно сказать, но нахождение их в фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки не вызывает удивления. Коллекция рукописных документов была организована ещё в первые годы существования Николаевской публичной библиотеки²¹, и её наполнением занимался лично Н. И. Гродеков. Помимо автографов знаменитых российских и иностранных деятелей науки, культуры, он включал в неё и документы, отражавшие важные события как в Дальневосточном регионе, так и в России в целом, а документы сахалинской каторги — отражение мрачной и в то же время уникальной страницы российской истории.

Список использованных источников

1. Акифьев, И. Н. На Далекий Север : из дневника кругосветного путешествия / И. Акифьев. — Санкт-Петербург : типо-литография «Е. Тиле преемн.», 1904. — [4], 200 с.
2. Гиляровский, В. А. Москва и москвичи : репортажи из прошлого / В. А. Гиляровский. — Москва : Изд-во АСТ, 2018. — 1264 с.
3. Гродеков, Н. И. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова : 1898–1900 годы / Н. И. Гродеков. — Хабаровск : тип. канцелярии Приамур. ген.-губ., 1901. — 148, II с.
4. Дорошевич, В. М. Сахалин. (Каторга). Ч. 2. / В. М. Дорошевич. Москва : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1903. — 199 С.
5. Духовской, С. М. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского : 1893, 1894 и 1895 годы / С. М. Духовской. — Санкт-Петербург : тип. Ю. Н. Эрлих, 1895. — II, 172 с.
6. Коваленко, С. В. Архивные источники в изучении истории женщин на сахалинской каторге (по материалам РГИА ДВ) / С. В. Коваленко // XVIII Чеховские чтения. Проблемы и перспективы сохранения чеховского наследия : материалы науч.-практ. конф. 29–30 янв. 2015 года. — Южно-Сахалинск, 2015. — С. 49–61.
7. Отмена ссылки на о. Сахалин // Тюрем. вестн. — 1906. — № 6. — С. 398–405.
8. Полное собрание законов Российской Империи : собрание второе. Т. 44, отд-ние 1 : 1869 г. — Санкт-Петербург : [тип. II отд-ния собств. Его имп. величества канцелярии], 1873. — [2], 962 с.
9. Полное собрание законов Российской Империи : собрание третье. Т. 23, отд-ние 1 : 1903. — Санкт-Петербург : [тип. II отд-ния собств. Его имп. величества канцелярии], 1905. — [2], 1168, 136 с.
10. [Приказы военного губернатора острова Сахалина. 1898 г. Часть распорядительная]. — [Б. м. : б. и., 1898]. — [780] с.
11. [Разъяснения о порядке помещения в богадельни ссыльнокаторжных] // Тюрем. вестн. — 1895. — № 4. — С. 174–177.
12. Сахалинский календарь. — [Б. м.] : тип. на о-ве Сахалине, 1897. — III, 234, 196 с.
13. Чехов, А. П. Остров Сахалин (из путевых записок) / А. П. Чехов. — Владивосток : Рубеж ; Южно-Сахалинск : [б. и.], 2010. — 352 с.
14. Энциклопедический словарь. Т. 14, [ч. 27] / под ред. К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. — Санкт-Петербург : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1895. — [6], 480 с.
15. Ювачев, И. П. Восемь лет на Сахалине / [соч.] И. П. Миролюбова. — Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1901. — XV, 287 с.

Фотографии взяты из альбома «Сахалин 1894», хранящегося в Дальневосточной государственной научной библиотеке. Материал поступил в редакцию 23.01.2019 г.

Сведения об авторе: Воропаева Александра Валерьевна, заведующий отделом «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: red-dvgnb@mail.ru; тел. (4212) 31-23-23.

²⁰ На четырёх документах имеется надпись «Копия».

²¹ Сегодня — Дальневосточная государственная научная библиотека.